

Елена

КЛИМЕНКО

*

Мир становится белым,
на проявления бедным.
Всюду молочные реки
сходятся в океаны,
всюду беглые греки
раков ведут караваны.

И юные боги на старте
Резвы, точно юные лани.
В процессе они каменеют,
теряют лицо и дыханье.

Лишь зеркало зрит в корень,
явлений не зная имени,
на фоне легкого порно
и анемичных лилий.

Миры пролетают мимо,
рожденный быть просто рядом

тебе улыбается мило,
но не достигает взглядом.

И в скобках остались зимы,
где двое в расколотой лодке.
А счастье числом мнимым
выносит время за скобки.

И снова: аз, буки, веди, —
веди нас, Боже, по свету!
Почти безразличны сверху,
мы маком шуршим по снегу.

И эти пути пилигримов
искусней узоров на пробках,
а светлые лица любимых
пылятся в картонных коробках.

О ПРЕЛЕСТИ ОДИНОЧЕСТВА

Хочешь и чушь порешь.
Смотришь на мир сквозь прорезь.
Утро: на завтрак поридж
(овсяная каша то есть).
Вечер в укор прочим
машинною строчкой упрочен.

Утро. На завтрак почта:
так прихотлив почерк,
и хороши точки.
А в отправителях — прочерк.
Завтра всё будет, впрочем.

Завтра всё будет прочнее,
чем проза Хемингуэя.
И одиночества узел
Будет разрублен на два.
Хомут найдётся на шею
и будет одобрен ею
(но это вряд ли, едва ли).

Почтенно занятие почек.
Прекрасны поэты Польши.
И стебель, вонзённый в почву,
даёт нам цветы и больше.

И бодро движется кисть,
и приближается аист
с грузом бомб на борту.
Но забастовка в порту —
роман превращается в повесть

временных лет. Чепуха.
Время бредёт черепахой,
сдерживаемой страхом
не совершить греха.
И жизнь не длиннее стиха
(вещающая о тонкостях краха,
не забывай «ха-ха»).

И в каждом астральном теле
зреет своё остриё.
Каждый твердит своё,
не приближаясь к цели,
но предвкушая её.

И кошка смотрит, как ангел
мести, и море Сезанна
плещет в её глазах.
Поезд ушёл в неизвестное,
заек тошнит от запаха
капусты, и донна Анна
уже уснула в слезах.

Такой вдохновенный бред
не стоит ни «да» ни «нет»,
и в сигаретном дыму
только гнездиться ему.

Но в режиме brutального времени
трудно не стать беременным
замыслом или вымыслом,

не заиграться с числами.
В отличие от одиночества
и поисков псевдо-отечества,
МОЛЧАНИЯ нам не вынести,
хотя порою и хочется.

*

чего вы хотите,
стучась в чью-то дверь:
соли и спичек?
новых потерь?
с неба звезду?
шею в узду?
виды либидо
и проч. лабуду?

что вас тревожит
в этой поре:
пятна на коже,
бес ли в ребре?

времени памятник
памяти маятник
на поводке
кнул или пряник
в каждой руке

ветер по венам
слова на ветер
суть не меняется
от перемены
сума переметная
чёрная вешка
всё замечено
всё перемешано

жмите доверчиво
на все звонки
пальцы без кальция

в глазах круги
будет вам много
снега в лицо
надежды на Бога
на палец кольцо
роза угрозы
проза грозы
звёзды и слёзы
точка — росы

ЦИКЛ «ЗА И ПРОТИВ»

1

Не буду говорить, что я сильная —
некому слушать. И богу в уши
эту мысль не вложишь.
А богу душу раньше времени — нехорошо.
Вот и вари каши горшок,
поливай своими слезами,
сидя под образами.

2

но восклицательные знаки
дымов морозных
противоречат настроеньям слезным
ведь бодрое солнце с каждым днём
ярче и дольше на две минуты
и в радио «Дольче» поют каждое утро
на полке роман Франсуазы Саган
и французское окно на обоях
и пушистые тапки льнут к ногам
по крайней мере их — двое
а еще есть чужие стихи
о бродячей рыжей собаке —
это просто щенячий восторг!
все краски видней на закате
так что молись на восток
и ложись деточка спать

*

стоящие против света
остаются в окне силуэтом
остаются силуэтом в памяти
нищими на паперти
в кадрах у папарацци
на ниточках у паяцев
натурщицами Пикассо
пальцами на губах ...
как это интересно!
просто... преступно.... пресно...
но все равно — ах!

*

надеваешь чужую шкурку —
чувствуешь себя человеком
следуешь за иголкой ниткой
за весною приходит лето
львиные золотые доспехи
защищают, чужие успехи
оборачиваются твоими
а ты оборачиваешься на имя
совпадая с чужими губами
пьешь живую воду надежды
смотришь в чужое лицо —
меняешь черты местами
а сотовые тоже стонут
когда в них попадают
сообщения, обобщения —
мол ты такая, такая...
и твое имя
становится осязаемым
ловится языком, катится яблоком
целым, праздничным, ярким,
не поделенным на дольки!
как хорошо быть подарком
и ничего что недолго

*

низкие чувства
мелкие буквы
бежать, аукать,
своих чуют
пока по точкам
ток течёт
каждую ночь
продолжает «ещё!»
пора виток
наматывать
на спираль
надежда вольфрама —
пока не сгорать
печаль не печать
молчать
ждать!

*

Расслабленность окутала, как кокон,
спеленатую куколкой лежу,
в слюду и паутину сенных окон
из темноты врачующей гляжу.

И нитку закрепляя узелком,
сшиваю мелочи и впечатлений части,
пока зима не встала на крыло
и не смахнула бабочкино счастье.

На междуречье низкого и выси
Оцепенев подобием весов,
Я предвкушаю нарощенье мысли
И истечение нити, шёлка слов.

*

Никто не виноват, что кризис жанра.
Накрылся медным тазом — и не жалко.
Осталось лишь рассудка помраченье,
Да теплый чай, да мятое печенье.
Остались только вялые уловки
И где-то там, в лесу, где бродят волки,
Осталась почти волчья тоска
По небесам, укрывшим эту землю
Так что подмочен радугою край,
По бабочкам, по птицам, по животным,
Простому хлебу, просторечья ноткам,
По шалашам, в которых с милым рай.

*

Дальше будет только еще «dolce»,
Приторней, безумней, извращенней.
Дальше в лес — в мерцанье пасти волчьей,
Лун зелёных или глаз зелёных.
Дальше, дальше девочкой на шаре
Закатиться за мужчину с кубом,
Помахать над пропастью ногами,
Услыхать архангельские трубы.

ВЕЧНЫЕ МОТИВЫ

Вопрос решен и выбор сделан
и жребий выброшен на ветер:
БЫТЬ исключением из правил.
БЫТЬ искривленным как пространство:
Вокруг нехитрого бонся
Летать прозрачным слоем Дао.
БЫТЬ проникающим раненьем
(и жертвой, и орудьем, и возмездьем).
БЫТЬ искаженным толкованьем
понятого для всех сюжета.

Искомым БЫТЬ в системе уравнений
(есть у меня неточности в анкетах).
Больной сосной буравить спелый воздух,
По облакам шагая — по ступенькам,
Пытаясь опереться на взаимность
На мнимость чувства и на просто милость.
Вселенной бумеранг запущен.
В РУКАХ У БОГА диски дискобола,
Перо писателя, заряд гранатомета,
Рыбачьи сети, гроздь винограда
И прочие достойные вещицы.
А наши руки девственно пусты:
В них нет ни содержания пословиц,
Ни лиц анфас и профиль
Семь на восемь.
Нам даже слов не ухватить за хвостик
Сгрызая карандаш до основания...

Жизнь в ожидании абзаца...
Но все же БЫТЬ, а не казаться.

*

Все обрастает солью:
Суставы, посуда, сон,
Странное имя Сольвейг,
Шершавые цепи часов.
Словно вырастаешь в суть
Краской одной рисуя:
Яблоко немоты,
Сосны, окно, цветы.
Словно идёшь с сумою
И повторяешься всуе.

ВРЕМЕНА ГОДА. ЛЕТО.

Пульса путь трамвай изображает —
Бьется красной точкой в белом кубе.
Час за часом... Мы уже не люди,
А фантомы,
слепки с прошлых жизней,
Слитки слез, собранья сочинений,
Оттиски на ветреных простынках.

Белой ночи акварельный сумрак
Нас хватает голыми руками,
Где мы — проплывающие рыбы
Выкрашены в мелкие цветочки
Мним себя героями романа,
Посыпаем голову страданием.

Рубит весло-месяц бред черемух,
Труд пчелиный и дроздов нахальство.
Так духовное становится телесным.
В устах пауз тонет дар актёрский.
Высший пилотаж из «Кама сутры»
Не спасает от мертвецких петель.

Мы травой по пояс зарастаем
торопясь со скоростью бамбука
изучить стареющие лица.
Под бомбометанье спелых яблок
Слово исчезает — скорость звука
Уступает место силе ветра.
Зрение еще нам остается
Как последняя надежда на спасенье.
Сосны, улетающие в небо,
Сбрасывают нам балласты шишек,
Тонких ног загар нам оставляют...

Все быстрее прядут седые парки.
Рыжик пряча в лесополосе,
Лето переходит точно в осень
И тогда мы исчезаем вовсе
Распоследней спицей в колесе.

*

.....ВОСТОК

Раздумья синь.
Деянья краснь.
Бежать и красть
Пространства пыль.
Любить и красить
Ян и Инь.
И вить гнездо
Из тонких рук.
Ломать слова
Как будто лёд.
Бросать в стакан,
Чтобы на дне
Прочесть —
Пройдет!

чувствуешь себя камнем,
падающим в пропасть.
но это наверное лучше,
чем загнанным в угол зверьком.
вот такая свобода!
и вышедшие под вечер на площадь
впитывают ее с детства
с соевым молоком.

*

Моя заповедь — ускользать.
Меркнет день у меня на глазах
И зарастают паутиной:
Семей ленивый променад,
И в пустотелости оград
Синицы хищной взгляд невинный.

И декорации дворцов,
И бороды святых отцов
Сулят отсутствие спасенья.
По капле каменного неба,
По крошке нищенского хлеба
Теряет силу воскресенье.

